

УДК 821.161.1.09

Л.И. КОЛОБРОДОВА
(klarisai@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**«УМ» И «СЕРДЦЕ» СОФЬИ ПЕРОВСКОЙ В РОМАНЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»**

Рассматривается образ Софьи Перовской в романе А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого» с точки зрения рационального и эмоционального компонентов. Проводится параллель с историческими произведениями Ю. Трифонова и М. Алданова о народовольцах.

Ключевые слова: автор, герой, характер, рациональное, эмоциональное.

Масштаб работы А.И. Солженицына по созданию эпопеи «Красное Колесо» (1969–1991) в последние десятилетия только начинает поддаваться осмыслению. Пока не открыт официальный архив его имени, исследователи стремятся уловить малейшие связи писателя с теми материалами, что помогли при создании многотомного произведения. Поэтому открытием становятся выставки, организуемые вдовой писателя, его публицистические статьи и отрывки из «Дневника Р-17», сопровождавшего всю многолетнюю работу над «Красным колесом».

В. Яранцев вслед за Н. Щедриной замечает: «...В произведении более “700 героев”, 10 томов, 20 “узлов” и временные отскоки на 30 лет назад и на 8 лет вперед от исходного 1914 года...» [10, с. 169]. Этот титанический труд не состоялся бы без четкой системы, о чем писал Солженицын в своем дневнике-«сотворце» «Р-17»: «... Поиск материалов, ... группировка по конвертам, ... и по Узлам Истории» [4, с. 13]. Это только первый этап работы над эпопеей, за которым – другие цвета обложек и конвертов. Среди упомянутых 700 героев лишь небольшая часть вымышленные. Остальные – лица исторические с «дроблением» на центральных, эпизодических и второстепенных персонажей. Однако эпизодическим в романе уделено не меньше внимания, чем центральному. Обращая внимание на 60 главу, можно заметить, что в ней на двенадцати страницах воссоздана галерея образов женщин, оставивших свой след в истории России. Все шестнадцать героинь – участницы «народовольческого» движения, у каждой свое имя, свой характер и судьба, воссоздаваемые художником в ходе кропотливой работы с документами и мемуарными свидетельствами. Целью Солженицына в таких «обычных» главах (не «кино» и не «обзорных») было – «... не допускать ретроспекции и скольжения. ... Давать повествование добротное» [Там же, с. 12].

Так и выполнена история Софьи Перовской, занимающая четвертую часть главы. Это не случайно: Перовская Софья Леонидовна, известная своим участием в подготовке убийства Александра II 1 марта 1881 г., в советские годы считалась подлинно народной героиней. Об этом говорят ряд биографических работ о ней: Е.А. Сегал «Софья Перовская» (1962), Э.А. Павлюченко «Софья Перовская» (1959). В художественном творчестве ее образ представлен в рассказе для детей З.И. Ахтырской «Цареубийца» (Софья Перовская) (1930), историческом романе «Нетерпение» (1973), написанном Ю.В. Трифоновым для политиздатовской серии «Пламенные революционеры». Интерес к личности Софьи Перовской характерен и для литературы «русского зарубежья»: ее образ появляется на страницах романа М.А. Алданова «Истоки», изданного во Франции в 1950 г.

Трудно сказать со всей определенностью, но можно предположить, что писателю были знакомы эти произведения. Сегодня исследователи признают: именно «творение А. Солженицына является тем основанием и в то же время стержнем» [9, с. 332], вокруг которого находятся исторические работы М. Алданова, В. Максимова, Ю. Давыдова, в том числе и роман «Нетерпение» (1973) Ю. Трифонова, создание которого совпадало «по времени с созданием А. Солженицыным “Архипелага...” и “Августа Четырнадцатого”» [Там же, с. 331].

Однако нельзя не согласиться с мнением Л. Гинзбург, которая считала, что «совпасть полностью у разных мемуаристов может только чистая информация (имена, даты и т. п.); за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения» [2, с. 7]. Точка зрения автора в романе Ю. Трифонова прикована к Софье Перовской, которая «совсем молоденькая, с детским наивным личиком», «совсем девочка!», «совсем маленькая» [6]. При всей силе воли она эмоциональна, поскольку впервые серьезно влюблена в одного из лидеров нелегальной организации Андрея Желябова. Она ждет «Андрея всю ночь, утро и день в необычайном волнении», думавшая о нем «каждую минуту», а когда понимает, что случилась беда, ждать больше не стоит – берет на себя ответственность за подготовку и реализацию теракта. Героиня Трифонова за миловидной внешностью таит непреклонность: она «твердила упорно», «объяснила каждому, где кто должен стоять и какие будут сигналы» [Там же]. О ней говорили: «решительная и много успевшая девица». Повествователь отмечает: *Реакция Сони Перовской была мгновенной, в духе Перовской* [Там же]. Но не только «дух» бунтующей революционерки вложил Трифонов в данный образ, он одарил ее любящим сердцем, болеющим при виде страданий: ... *В глазах – мука. Но через секунду снова: с непреклонной твердостью распоряженья, команды, мгновенные решения* [Там же]. В начале романа Софья «была почти незаметна», оставаясь «тенью» Желябова, но после его ареста она «спасает» операцию: *Перовская и Фигнер им помогли, делая самое несложное: отливали грузы, обрезывали жестяные банки из-под керосина* [Там же]. Хрупкие женские руки взялись здесь не просто за «мужскую» работу: Перовская оказывается главным организатором и исполнителем теракта. Нет, Трифонов не воспеваает «бомбистов», напротив, к изображенному им теракту совсем не подходит характеристика «подвиг». Как отмечает Н. Иванова, Трифонов предлагал «оперировать на себе» [3, с. 376]: он призывает читателей заглянуть вглубь своего сердца, испытать то, что пережили приговоренные к казни борцы за «всеобщее счастье». Андрей Желябов хотел бы видеть тех, за которых скоро умрет: *Никакой награды, никакого прощания с этой землей: только глаза людей. Но публичная казнь подпольщиков собрала тех, кто «зевали, ... глядели с угрюмым любопытством*. Правда, словно в память о «безумстве храбрых», в финале «Нетерпения» – небо, «очистившееся от туч», и девушка, сделавшая «робкий, приветственный взмах» [6].

Многоаспектность образа Перовской присуща и работе Солженицына. Автор называет ее «Железная Софья», характеризует как женщину «холодного склада ума». «Замкнутая», «непроницаемая», она, узнав о том, что возлюбленный будет казнен, «задрожала, упала, в слезах просила спасти» его. Вместе с тем, одна из «королев террора» изображена страстной натурой: *Нет, это не так, что у революционера нет чувств, – сердце революционера даже нежно, но чувствам своим он дает развиться лишь тогда, когда их направление совпадает с революцией* [5]. Такого рода эмоциональные конструкции «переключают» авторскую точку зрения на точку зрения рассказчиц: это две тетушки Вероники, революционерки Агнесса и Адалия, появляющиеся в 60 главе для того, чтобы приобщить свою племянницу к «святым традициям семьи» (дядя был революционером). Ради девушки они совершают исторический экскурс в революционное движение России, рисуя целую галерею «народоволок». Стремясь отделить свой голос от голосов персонажей, автор использует скобки: *(Оттого настолько же и выше, и ярче любовь революционера!)* [Там же]. Он, на первый взгляд, усиливает их мысль, а на самом деле – снижает, несколько иронизируя над экзальтированными тетушками. Этих женщин-террористок: Веру Засулич, Софью Перовскую, Веру Фигнер и других А. Урманов причисляет к образам «женско-мужским» – мужским «по психологии, по типу сознания, <...> что является проявлением и следствием серьезных деформаций, происходящих в современном обществе» [8, с. 376–377]. Подобными деформациями отмечены и сами тетушки: «щуплая», «в своем темно-сером или выгоревшем черном, как монашенка», Адалия «была неумолима, потряхая гладковолосой, мирной, стареющей головкой»; «Приземистая», «как вулкан обкуренная», Агнесса, умевшая в споре «становиться розовато-серой пантерой, розовые пятна к приседи», «пылала» [5]. Тетушки ничего не замечали, когда спорили: *забывали они, что у них может кипеть, бежать, гореть на плите, не чуяли запахов, не видели дыма* [Там же]. Окарикатуренные образы тетушек не только снижают возвышенный образ Софьи Перовской, харак-

терный для историографии советских лет, но и вызывают в слушательнице эффект, обратный ожидаемому «наставницами».

Сам писатель не склонен ни высмеивать, ни превозносить женщин революции. Так он подчеркивает, что «ум» его героини-мужененавистницы отрицает любовь как слабость, но «сердце» диктует свои законы: Софья «отдается любви к Желябову». Характеризуя собранность и силу духа этой женщины (*Без Перовской не состоялось бы Первое марта*), художник делает акцент на том, что Софью арест Желябова ожесточил. Если в романе Трифонова она спасает общее дело, то в «Красном Колесе» – еще и «дело своего любимого» [Там же]. Главенство последнего, по-видимому, привело к тому, что казавшаяся хладнокровной революционерка «потеряла благоразумие, губила других, губила себя, пошатнулась с революционного уровня». «Пошатнулась» и вся «блистательная плеяда» народовольцев, роковой ошибкой которых, по мнению автора, была изначальная идея освободительной жертвы. Результатом их «деятельности» стали не только казни и ссылки, но и бедственное положение страны: *«Россия впала в полосу густого, серого, безнадежного мрака, чеховское время...»* [Там же].

Делая это наблюдение, А. Солженицын во многом солидарен с М. Алдановым и его позицией в романе «Истоки»: оба автора признают, «что 1 марта 1881 г. – день убийства Александра II – был, может быть, безвозвратным, непоправимым изломом в российской истории» [7, с. 73]. Рассматривая параллель «Солженицын – Алданов», исследователи констатируют: «общим у двух писателей является стремление освободить исторические события от мифологизма» [Там же, с. 76].

Действительно, в «Истоках» образ Софьи ярок, искрометен в противовес по-советски жестко революционному: *Характер у нее был от природы веселый. Тем не менее жизнь ее была печальной задолго до того, как стала нечеловеческой* [1, с. 403]. Героине Алданова не чужды сильные душевные переживания: *Несмотря на переполнявшее ее счастье, Перовская часто плакала. И она, и Желябов прекрасно понимали, что жить им осталось очень недолго. Но в его присутствии Перовская была бодрой, веселой...* [Там же]. Алданов создает образ молодой женщины без будущего, у нее только изнуряющее прошлое. Недаром понятие «счастье» Софья не олицетворяет с успехами или неудачами бомбометания: *По-настоящему в первый раз в жизни Перовская стала счастливой именно тогда, когда ее короткая страшная жизнь подошла к концу* [Там же]. Она совсем не жалеет о «провале», о том, что и сама, и единомышленники ее на эшафоте: *у нее было твердо решено, что она умрет вместе с ним, рядом с ним, на одной с ним виселице. Это было единственное сбывшееся из ее желаний* [Там же, с. 405]. Эту мысль еще ярче автор подчеркивает, говоря о теракте, который организовала Перовская: победа не особенно вдохновляла ее, вероятно, главным ее побуждением было все-таки желание умереть вместе с Желябовым: *это могло осуществиться лишь в том случае, если бы царь был убит в ближайшие дни. Слабая миниатюрная женщина, больная, еле державшаяся на ногах, в ту ночь превратилась в механизм, имевший назначением убийство Александра II. И далее: Первое марта было прежде всего делом Перовской* [Там же, с. 408]. Каким было это «дело»? Оно было не героическим, а жестоким и кровавым: *О четырнадцатилетнем Антонове, которого разорвала бомба Рысакова, Желябов и Перовская не думали, или это для них препятствием не было: “Лес рубят — щепки летят”...* [Там же, с. 550]. Романист избегает сцены казни самих «лесорубов»: читатели узнают о ней из беседы Мамонтова с Адвокатом: *Повешены все пять: и Желябов, и Перовская, и этот жалкий Рысаков, который всех выдавал. Только Гельфман не казнена из-за беременности. Девочка моя с утра плачет... Так, пожалуйста, в пять часов. Мы будем очень рады.*

«Устраивал как раз свои делишки!.. Но миллионы людей, в том числе люди, гораздо ближе, чем я, знавшие Желябова, Перовскую, тоже сегодня ели, веселились, занимались делами...»

Мамонтов вернулся домой, выпил стакан коньяку, лег на диван – и заснул [Там же, с. 520].

М. Алданов говорит о равнодушии исторического процесса, который пробовали изменить отчаянные храбрецы. Он не склонен заострять внимание на революционных убеждениях своих героев: история не признает и не щадит ни правых, ни виноватых, неуклонно продолжая свое течение «в никуда». Трифонов изобразил многогранный характер революционерки, верной своим принципам и страдаю-

щей от этой верности. Солженицыну же дорога мысль о душевном «изломе», о том, что неизбежно происходит с человеком, вовлеченным в движение «красного колеса» истории. Перовская в его эпопее не героический «кочегар революции» (Ю. Трифонов), а своего рода «инструмент», подтолкнувший это Колесо к сокрушительному «верчению» по XX столетию.

Литература

1. Алданов М.А. Истоки // Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Ч 4–17. М.: Правда, 1991.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999.
3. Иванова Н.Б. Русский крест. М.: Время, 2011.
4. Солженицын А.И. Из дневника из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 9–28.
5. Солженицын А.И. Август Четырнадцатого // Собрание сочинений в 30 т. Т. 8. Красное Колесо. Август Четырнадцатого. Книга 2. М.: Время, 2006.
6. Трифонов Ю.В. Нетерпение // Собрание сочинений: В 4 т. Т 3: Нетерпение. Старик. М.: Художественная литература, 1986.
7. Трубецкова Е.Г. «Узлы» истории в изображении М. Алданова и А. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 73–77.
8. Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 371–384.
9. Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына через призму русской исторической прозы второй половины XX в. // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 329–333.
10. Яранцев В. На пути к «энциклопедии» «Красного колеса» // Сибирские огни. 2011. № 12. С. 168–176.

KOLOBRODOVA L.I.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

«MIND» AND «HEART» SOPHIA PEROVSKAYA IN THE A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL «AUGUST OF THE FOURTEENTH»

Examines the image of Sophia Perovskaya in A.I. Solzhenitsyn's novel «August of the Fourteenth» from the point of view of rational and emotional components. Compares the images in the historical works of Trifonov, Aldanov and Solzhenitsyn.

Key words: author, hero, character, rational, emotional.